

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Грация Верасани (род. 1964 в Болонье) одна из интересных писательниц Европы. После окончания Академии театрального искусства работала в театрах Италии, является автором пятнадцати книг, нескольких театральных пьес и сценариев. Романы, вышедшие в самом престижном итальянском издательстве «Фельтиринаелли»: «Быстро в никуда», «Обо всех и ни о ком», «Что ты знаешь о ночи», «Без всякой причины», «Как я замерз» и другие приобрели популярность у читателей и были переведены во Франции, Германии, США и Португалии. По книге Верасани «Quovadishaby?» («Ты куда, малыш?») снят художественный фильм (режиссер Габриэль Сальваторес) и телевизионный сериал. По ее театральной пьесе «От Медеи», с успехом прошедшей на подмостках европейских театров и получившей ряд престижных премий, был снят фильм, представленный на Венецианском кинофестивале в 2012 году и завоевавший два «Золотых глобуса».

НЕЗАКОНЧЕННОЕ ПРОЩАНИЕ

Не знаю, почему я согласилась увидеться с ним, ведь мы не разговариваем почти полгода. Когда он позвонил, первая мысль, что пришла мне в голову, была такая: «На дворе август, его жена вместе с детьми отдыхает на море в Риччоне, а ему стало одиноко». Эти шесть месяцев я работала, засучив рукава, в одной фирме, занимающейся программным обеспечением. Более десяти лет я изучаю компьютерные системы.

Я закалилась, столкнувшись с миром, где живут люди с холодным расчетом, которых заботит только собственный шкурный интерес. Я даже сходила к неврологу, чтобы он прописал мне снотворное.

— А вы уже принимаете какие-нибудь лекарства? — спросил он.

— Нет, — ответила я, стряхивая пепел с сигареты в пепельницу. — Только никотин.

Я познакомилась с Максом полтора года назад. Как раз в тот период я решила бросить своего парня, с которым проводила скучнейшие вечера. Он был актером и доставал меня своими жалобами на не свойственные ему второстепенные роли, которые навязывали в разных телесериалах. Кроме того, я считала, что градус его эгоизма зашкаливает, совсем не соответствую уровню актерского таланта, а посему все подобные жалобы находила глупыми. После шести лет «любовной стабильности» мне надоело быть тихой гаванью во время бури. Я жаждала бури.

На ту дружескую вечеринку Макс явился ввойлокном свитере и глянул на меня мрачными глазами. Это была любовь с первого взгляда, это было именно то, что я искала.

В самом начале мне нравилось, что мы были игрушками наших гормонов, расставляя в гостиничном номере настольные игры и заводя недолгие дискуссии. Мне, бессильной и беззащитной, нравилось пребывать в мягких объятиях этого ленивого интеллектуала. У меня только что закончился долгий роман, и тот факт, что Макс был женат, меня ничуть не беспокоил, наоборот, он не стал бы посягать ни на мою самостоятельную жизнь, ни на мою карьеру. Когда приходит любовь, она сметает

все, включая любые фиксации. И уже не думаешь ни о чем другом, как о собственных руках, привязанных веревкой к изголовью кровати, и о нем, похожем на французского актера, смеющимся и напевающим Lovemetender в душевой кабине.

Обнаженные тела разговаривают на очень трогательном языке. Занимаешься любовью и чувствуешь, как боль покидает тело. Потом снова одеваешься, смотришь на него и чувствуешь себя обессиленной.

Через некоторое время я поняла, что Макс был человеком слабым и самодеструктивным. Это был нищий драматург, которого содержала жена. Это был алкоголик, который умудрялся выходить из своихочных запоев с неповрежденной печенью, и все, включая врача, этому удивлялись. Более того, я обнаружила, что не была его единственной любовницей. Он изменял всему, чему можно было изменить. Он был упрям и самоуверен.

Полгода назад я прекратила все отношения с ним. Вскоре моя секретарша начала пересыпать мне его длинные сообщения. Макс давал себе определение инвалида по любви, считая себя похожим на пушкинского Онегина. Сама не знаю, зачем я согласилась с ним снова встретиться. Решила: «Ладно, заеду только на минутку».

Он отодвигает стакан и переплетает пальцы рук.

— Беатриче, мы несовершены. Мы с тобой как помешанные месим дермо и врем друг другу.

— Говори за себя.

— Ладно. Прости. Ты могла бы хоть одну минуту не осуждать меня... Я топчуясь рядом со столиком и никак не могу заставить себя сесть.

— Я здесь не для того, чтобы прощать или выносить приговор.

Он опускает глаза.

— Мне хреново.

— Это моя вина?

— А чья же?

— Ты утешаешь себя, обвиняя других в собственном несчастье?

Он запускает пятерню в свою шевелюру и со злостью зачесывает волосы назад.

— Беатриче, что за новая игра? Уже полгода я уговариваю тебя встретиться. Полгода...

Все то же заведение с высоким потолком, украшенным неоновыми огнями, с деревянными панелями на стенах и высокими стульями, ровно стоящими вдоль стойки бара. Смотрю по сторонам, и мне кажется, что я вернулась на место преступления как детектив, который должен раскрыть дело.

За угловым столиком сидит Макс в голубой рубашке и пьет свой третий стакан.

— Надеюсь, что ты не будешь говорить что-нибудь типа: давай останемся друзьями?

Он улыбается.

— Нет. Тогда искушение заняться с тобой любовью было бы слишком сильным. Выпьешь что-нибудь?

— Я заехала сюда на минутку.

Сажусь за столик. Он заказывает еще один «Негрони».

— Что ты хотела от наших встреч?

— Ну, я не знаю, Макс. Может быть, то, что хотят все люди в этом мире...

— Слушай, все хотят простой и легкой жизни. А любовь...

— Любовь? Какая любовь, Макс! Любовь — это когда двое вместе хохочут до упада, — я наклоняюсь вперед и понижую голос, — а ты знаешь лучше меня, как мало мы смеялись...

— Только в последнее время.

— В последнее время ты всех достал.

Он кивает.

— И что? — спрашивает.

Я опираюсь на спинку стула.

— И что? Единственное, что мы можем сказать друг другу: «Что было, то было».

Бармен подметает окурки под нашим столиком, Макс встает, направляется в туалет. Я плачу по счету и решаю подождать его на улице. Стою и делаю вид, что ничего не слышала.

— Сколько я тебе должен? — повторяет он.

— Нисколько. Сегодня плачу я.

— Моя жена и другие женщины ничего для меня не значат, — мямлит он, опираясь спиной на дверь бара.

— Макс, не звони мне больше...

Только что прошел дождик. Мы вдыхаем запах мокрого асфальта. Он оглушен алкоголем, а я головной болью. Мы прощаемся и расходимся в разные стороны, одурманенные, каждый своей болью, что ведет только в одну сторону, ибо в другой стороне — сожаления. Но такова жизнь.

Я сажусь в машину. В зеркальце заднего вида вижу, как он остановился на светофоре. Страсть уже позади, в виде далекой темной точки. А отправится он, повиливая рулем, в ненадежное место назначения — в другой бар.

Не стоило с ним встречаться. Между нами еще что-то теплится, это прощание кажется незаконченным. Это прощание будто замирает в подвешенном состоянии, открывая некую бездну внутри меня, и я чувствую, что тону в ней. Должна пройти целая вечность...

Перевод с итальянского Виты Пунской, 2018 г.